

Пушкин

84

на все времена

ЭТО БЫЛО тогда, в детстве. Далёком и светлом детстве... В Бугульме, где я родилась. Совсем рядом, за углом нашего дома была библиотека. Я брала книги и читала в основном на улице, если летом. Напротив дома стояла старая, но ровная и крепкая берёза, на неё удобно было забираться и читать. И однажды я забралась с томиком пушкинских стихов высоко-высоко, открыла его наугад и увидела море, зовущее, буйное, но ласковое у берегов, а вдали – солнечное, спокойное, серебристо-голубое... И что-то во мне, семиклашке, призывно и волнующе запело:

**Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
ты катишь волны голубые
и блещешь гордою красой...**

Никак про море иначе, а вот так: «Гордая краса»! Кто видел море, тот поймёт меня, а также: «Твой грустный шум, твой шум призывный...»

Я бережно спустилась на землю, обняла свою старую, любимую берёзу и сказала ей тихо:

– Ты знаешь, я встретилась с морем, я увидела морскую безбрежность с твоих высоких ветвей и со слов Александра Сергеевича Пушкина.

А позже, уже в юности, когда я ранней весной бродила по вечерней без-

людной улице, когда снега уже таяли, я слушала зов далёких паровозных гудков и записала: «Отражалась в асфальте марта и дальше, пьяная свежестью весны...» Это – мои вёсны. А потом – лето, красота луговой зелени, когда вышли из меня строки: «Счастливая, ступая босиком, я незнакома поступью с тревогой...»

Я терялась, какое же время года моё любимое? Зима, ослепительна снегами, буйством метелей, когда просто дух захватывает и домой никак не хочется, но прихожу, открываю Пушкина и слышу:

**Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...**

Значит, Пушкин тоже выходил в метель, и снежные вихри завораживали его. Он слышал свирепость пурги, возвращался, а она вслед вдруг «заплачет, как дитя»... А там, в Михайловском, его любимая няня «приумолкла у окна», утомлённая «бури завываньем».

А вот морозное, солнечное утро и тёплое, такое обычное, но как всё у Пушкина, исполненное изящной поэтической словесности:

**Вечёр, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела...**

Я наблюдала небо во время снежной бури – мутное, несчастное, и луна, как призрак... А с утра – мороз и солнце, волшебство бесконечности снега. И сердце, исполненное благодарности великому поэту, ищет слово, чтобы выразить, что вижу, чувствую:

**Я с таинствами зимними знакома,
ношу у сердца снежный талисман...
Одень меня и выгони из дома.
Я радость встречи встречным передам.**

Это мне с моим артрозом муж помогает одеться. Я выхожу и улыбаюсь встречным, потому что пришла неожиданно последней строка. Спасибо Пушкину с его любовью к людям, обаянием, лёгкостью выражения мысли.

Пушкинская зима необыкновенна. Поэтому воображение легко и смело представляет его на тройке резвых коней в поле, где снег «волнистый и рябой»...

А приходилось ли вам наблюдать, как луна освещает снег летучий? А вот молодая красавица грациозно выбежала в метель на крыльцо, и как жаркий поцелуй пылает на морозе. Любовная лирика Пушкина доступна, но и сложна, она может быть и предельно нежной, и младенчески чистой, и рыцарски возвышенной.

**Я верю: я любим;
для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней:
желаний томный жар,
Стыдливость робкая,
харит бесценный дар,
Нарядов и речей
приятная небрежность,
И ласковых имён
младенческая нежность.**

Его любовная лирика может быть и плотски страстной, озорной, но никогда не может быть пошлой. Я ловлю себя на мысли, как в наше время наши лирики нередко ступают на эту запретную грань поэзии.

**Мне дорого любви моей мученье –
Пушкой умру, но пусть умру, любя!**

И снова я о том, что у каждого из нас есть свой Пушкин, а если мы приближены к поэзии, пушкинский образец обязывает к соблюдению достоинства формы.

Мой Пушкин... Когда я, непослушная родителям пятиклассница, ночью под кружевным покрывалом (чтобы родители не поняли) читала своё любимое «Мороз и солнце! День чудесный», как в колыбели моих снов звучало, пело во мне: «Под голубыми небесами, великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит...»

Я была покорена. Родители спали, я совершенно неслышно встала, накинула мамину шаль и в валенках «набосу» вышла во двор. Была пурга. Я ещё не была знакома полностью с чарующей поэзией Пушкина, но почему-то в сердце моём вдруг откликнулось что-то непонятное, прекрасное. Мятажное. Я кружилась вместе с вихрями колючего снега, с крыш мело на меня, я задышалась от снега и счастья. И родилось во мне первое, совсем не похожее на удивительно мирное, прекрасное любование Пушкиным морозного, солнечного дня. Это был мой протест, уже не детский:

**Пурга сугробами распоясалась,
волнистой прядкой
по улицам стелется...**

**Люди бранятся – погода адская,
вишь, разгулялась-то как метелица!**

Почему бунт? Пушкин бунтарём не был... Но зрело внутри осознание его совершенства, постигая пушкинскую поэзию, чувствуешь себя легко и свободно. Он был так близок, но в то же время расстояние между ним и мной давало себя знать. Но что случилось тогда со мной в детстве... Этого расстояния дальности вовсе не было. И две встречи с Пушкиным жизнь мне подарила. В 37 лет – в Михайловском, когда я приехала поздно вечером, это было Бугрово. Я забралась с рюкзачком в стог сена, конечно же, не спала, так травяно-древесно пахло сено, воздух ласково обволакивал меня, застывал свежестью у лица... А на рассвете пришли стихи. Тригорское, Михайловское, Бугрово.

Такой простор! Такой восторг в душе!
 Деревья пахнут так невероятно!
 Как эту землю ощутить приятно
 босой ногой на узенькой меже!
 Спокоен пруд и счастлив глубиной,
 замороженный соснами, прекрасен,
 небесный свод заоблачен и ясен,
 и август прикасается весной.
 А вечером в траве у камышей
 деревьев тени с солнцем засыпают,
 и приближеньем холода пугают,
 и трепет листьев золотист уже...
 И вот тогда пойду лесной тропой,
 минуя осторожное Бугрово...
 А вдруг коснётся трепетное слово
 меня в пути нечаянной струной.

В Михайловском я пробыла всего два дня, но какие они были счастливые, наполненные удивительными впечатлениями! Я шла по земле, по которой ходил Пушкин, меня ласково приветствовали древние могучие деревья, я наслаждалась напоённым младенчески чистым пушкинским воздухом... Я была принята, обласкана этим воздухом, словно пушкинским дыханием.

Я увидела, словно впервые, крепко сложенные избы, церковь, сюда приходил он. Здесь, в Михайловском, за два года изгнания, он написал поэму: «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Евгения Онегина»... Здесь он непрерывно творил, здесь были его раздумья, слова, находки. Я всегда чувствовала, знала интуитивно, что он жил, как творил – легко, беззлобно, с присущей ему грацией.

Мне посчастливилось слушать Семёна Степановича Гейченко (1903–1993), пушкиниста, хранителя пушкинского заповедника, участника Великой Отечественной войны. (Он был тяжело ранен, потерял руку.) Гейченко написал более 60 книг о Пушкине, организовал десятки выставок и экспозиций.

Я до сего дня держу в памяти сердца дыхание пушкинского августа, покой пруда перед склонёнными ивами, бесконечную аллею грёз в Михайловском... Ещё не настало время «пышного природы увяданья», это будет поздней осенью, но как близко до трепета душевного пушкинское «очей очарованье», его доверительное «но мне она мила, читатель дорогой, красую тихую, блистающую смиренно».

Это и ко мне обращение – «читатель дорогой», через два века! Спасибо, дорогой Александр Сергеевич! Как не возрадоваться, когда передо мной «в багрец и в золото одетые леса», а я иду, иду... бездумно, разговариваю тихо с Вами, Пушкин, и воспоминаю лёгкие листья шуршат...

Читая, перечитывая, наслаждаясь его поэзией, понимаешь, как велика власть музыки Пушкина над нами, над эстетическими вкусами миллионов людей! Да будет жив этот светлый дух любви к поэзии Пушкина, благоговейного почитания его гения во все времена, у всех народов многонациональной нашей Родины и за пределами её!

*Нэлли
 Спасова-Земляниченко,
 поэтесса*